

Вера Диденко–
Адаркина

«Там нет следов, что
исчезают навсегда,
или Жизнь с
продолжением»

ISBN–13: 978-1-326-75571-3

УДК: 1751

Издано:

Независимым Издательством

Москва 2025

Об авторе

Более 30 лет своей жизни Вера Валентиновна Диденко проработала в областной газете в далёком Магадане, куда судьба занесла ее деда Иосифа Ивановича Адаркина и его семью. Им и посвящена эта книга. С любовью и благодарностью. Чтобы помнили...

Содержание

ПРОЛОГ.....	4
ЧАСТЬ 1. Вторая бабушка. Кто не сеет добра, тот ему и не жнец...	8
.....	8
ПОСЛЕ ДОЛГОГО ПЕРЕЕЗДА	10
КАК УПОИТЕЛЬНЫ ВСЕ ДНИ И ВЕЧЕРА	12
ВАСИЛЬКОВОЕ НЕБО НАД РОДНОЙ СТОРОНОЮ.....	16
ДУША НАРОДА, ПЕСНИ ДА ПРАЗДНИКИ.....	18
РАССТАВАНИЕ НА ИСХОДЕ ЛЕТА.....	21
ЧАСТЬ 2. Прекрасный Иосиф. Время ходит назад. Без часов. ...	23
ВЗРЫВ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ	27
ОТ СМОЛЕНСКИХ ПОЛЕЙ ДО ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ.....	30
БЕЛЫЕ РОЗЫ И СИРЕНЬ ПОД ОКНОМ.....	31
ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ	35
ОТ ПЕРВОЙ ЛАМПОЧКИ ДО ТЕЛЕВИЗОРА	36
ЧАСТЬ 3. Бабушка Ефросинья. Сердце невозможно измерить..	38
ТЫ ЕГО НЕ ИЗ РАЯ ЖДАЛА... ..	41
ЖИЗНЬ ПОЛОЖИВ НА ВЕСЫ... ..	44

Наши корни

У каждого есть свои места силы. И люди, дающие силу жить и выживать. Им и посвящая эти строки.

*И, конечно, моей дочери и внукам.
Чтобы помнили наши корни.*

ПРОЛОГ

Телеграмму принесли рано утром. В ней всего несколько слов: «Умерла Прасковья Васильевна. Похороны задержим». И я решила лететь. К тому времени я уже работала в школе на Чукотке и только вечером прилетела домой на курсы пионервожатых – именно такую должность мне предоставили вместе со ставкой учителя. Я всю жизнь мечтала стать учительницей – сначала французского, затем русского языка. И вот, окончив педагогический институт, получила распределение совсем на край земли.

Места далекие, но в какой-то степени уже нами изведанные, - еще после третьего курса нас отправили на практику в Провидения. Романтика повсюду! Поселок на берегу легендарной бухты, названной в честь первой успешной зимовки на берегу Берингова моря в 1848 - 1849 годах британского корабля под командованием капитана Томаса Мура. Его корабль крейсировал по Берингову морю в поисках потерянной экспедиции Франклина.

Поселок основан в 1946 году. В нем живут русские, чукчи, эскимосы. В морской порт часто заходили научные суда. Моряки привозили своих прекрасных жен, и удивительно было видеть ленинградских красавиц за прилавками чукотских магазинов. Но больше всего нас поразили Горячие Ключи – именно там располагался летний лагерь, в котором мы проходили педагогическую практику. Место удивительное: горячий источник, где мы купались в бассейне, а вокруг прозрачная речка с форелью и синие сопки, за далью одной из них можно было разглядеть очертания близкой Аляски.

А по окончании института нам четверым дали распределение в Залив Креста, тоже замечательное место, открытое еще в 1648 году экспедицией Семена Дежнева. Современное название дано Витусом Берингом в 1728 году в честь праздника Святого Животворящего Креста. На берегах заболоченной тундры в северной части залива 16 июля 1946 года, когда сюда прибыл пароход «Советская Латвия» с первостроителями, был основан поселок Эгвекинот.

Сегодняшние заядлые туристы говорят, что если бы не было Провидения, то Эгвекинот можно было бы считать самым красивым чукотским поселком. Но попробовали бы они пожить тут: вечная мерзлота, отсутствие климатического лета, температура выше нуля только четыре месяца в году, а самая жара в июле – не выше +14. И кругом тундра, студеное море да высокие горы. Не зря же название переводится как «каменный мешок». И действительно: иногда в квартиру заходишь, встанешь у окна и упираешься взглядом прямо в камни, и вершины горы не видно...

Но есть и свои красоты. Поскольку поселок расположен в 32 км южнее Полярного круга, то там нередко северное сияние. Однажды зимой мы такое наблюдали. Красота неопишуемая: над головой низкое небо с яркими всполохами синего, но больше зеленого света – прямо чукотский фейерверк.

* * *

Но вернемся к телеграмме. Она означала не только потерю моей любимой смоленской бабушки, но и того теплого мира детства, в котором я выросла. В нем царили красота, покой и свобода. Там каждый был важен и любим. Тогда все были бедны, но не душой. Там остались корни. И потому не было никаких сомнений: надо лететь, чтобы проститься с бабушкой.

* * *

Конец октября – не самое лучшее время на севере. К середине месяца, - а это как раз на Покров - в Магадан обязательно приходит большой снег. Он уже не тает, а покрывается коркой, и студёный ветер прибавляет неуютного холода. Вот и тогда снега навалило столько, что в аэропорту не успевали расчищать взлетные полосы. Рейсы задерживались. Я поболталась по полупустому зданию, поднялась на второй этаж, пристроилась в кресло и достала книгу. Читала часа четыре, пока не объявили посадку.

В самолете почему-то было большинство стариков и малых детей. Что-то все это значило...

И я поневоле обратилась памятью в свое смоленское детство. Как мечется раненая душа в поисках потерянного рая... Вот ранним утром бабушка суетится у печки и вскоре вынимает на деревянной лопате круглые караваи хлеба. А для меня раскатывает сдобное тесто в длинные змейки, потом быстро разрезает их на части, и вкуснее

печенья не было в моем детстве. На столе стеклянная сахарница и красочная жестяная банка для чая.

...Вот мы с бабушкой идем на поле, чтобы помогать убирать сено - в сенокос в колхозе любые руки нужны. Это праздник какой-то – наблюдать, как ловко сгребают подсохшую траву деревенские бабы в белых одеждах. И как они красивы в цветных кофтах и платках, словно игрушечные разбросаны по обширному полю. Многие поют:

По-за лугом зелененьким, по-за лугом зелененьким

Брала вдова лен дробненький.

Она брала-выбирала, она брала-выбирала,

Тонкий голос подавала.

Тонкий голос-голосочек, тонкий голос-голосочек,

По-за темненький лесочек.

Там Василько сено косит, тонкий голос переносит...

Бабушкина любимая песня. Я помню ее руки, морщинки у ярко-голубых глаз, спокойный голос и внимательный взгляд. Я словно выпадаю из того прекрасного времени, где все сливается в одно ощущение беспечного счастья.

...Но вот самолет идет на посадку – восемь часов полета позади.

В Москве тепло, суетно, людно. Задержаться здесь не пришлось, уже к вечеру поезд увозит меня до Смоленска, а оттуда на автобусе я добираюсь до деревни. Бабушкины старые подружки Маринка и Аленка встречают меня слезами – я не успела. Идем на кладбище, стоим у могилы. Скорбь и слезы.

И долго еще я хожу потом по деревне, перебирая любимые места. Тени прошлого печальны.

ЧАСТЬ 1. Вторая бабушка. Кто не сеет добра, тот ему и не жнец...

Годы проходят один за другим, а я все стою за двором на высоком овраге, только вернувшись из дальней стороны. Словно несколько жизней прошло. А, может быть, и больше...

Я только что выбралась живой из долгой болезни. Вышла на улицу да так и застряла в изумлении: уже начало лета, кругом все цветет, и даже зазеленел глубокий овраг - бывшие окопы военных лет. Израненная боями смоленская земля. Искалеченные войной судьбы.

Моя двоюродная бабушка Прасковья Васильевна (а я звала ее так же, как и моя мать,- тетей Проней), после войны осталась совсем одна, и часто плакала, рассказывая о единственном сыне Васе, погибшем на войне. Может, потому она так нежно ко мне относилась. Потом оказалось, что я к ней тоже. Она стала моей второй бабушкой.

Меня привезли к ней в пять лет, когда ее младшая сестра, моя бабушка Ефросинья Васильевна вместе с мужем вернулась с Колымы. Дед искал, где бы остановиться, и они уехали смотреть дом в соседний городок. И тут я заболела. Страшная корь.

Она сидела над моей кроватью, закрытой красной в цветочек занавеской и что-то часто говорила, как будто сама с собой. А может быть, просто молилась. Она очень боялась, что я умру, так и не доехав до нового дома. Так молитвой моя смоленская бабушка спасала меня. Сначала от детской болезни. Впрочем, на самом деле бабушкой она так и не стала – ее единственный сын Василий был убит в первые дни войны, и она получала за него пенсию в 7 рублей 40 копеек.

Прасковья Васильевна Ковалева родилась в один год с Сергеем Есениным – в 1895-ом. Жила на хуторе с мужем, потом его выбрали председателем сельсовета, и они перебрались в деревню с мудреным названием Рухань. Впрочем, несмотря на созвучность, разрухой там не пахло: деревня большая, растянулась по обе стороны большака, по его светлому песку после дождя мы с восторгом бежали с горки.

На карте Рославльского уезда на юге Смоленской губернии деревню Рухань можно было найти с 1790-х годов. Расположена на правом берегу реки Ипуть. По легенде, имя ей дала сама Екатерина Вторая, когда в 1787 году, совершая поездку в Таврию, проезжала мимо, люди стали жаловаться на плохие дороги, а она указала на реку: «Вот вам путь!». Сейчас там проживают почти 220 жителей.

Потом мужа не стало, а Прасковья Васильевна так и осталась жить в большом доме с высоким крыльцом, что стоял почти на перекрестке дорог вверх деревни, к пекарне и к речке. И в этот дом по-прежнему тянулись люди.

ПОСЛЕ ДОЛГОГО ПЕРЕЕЗДА

Я оказалась в ее доме не случайно, а после долгого переезда вместе с дедом и бабушкой на их историческую Родину. Выбирались с Колымы, куда деда Иосифа 16 января 1937 года отправили после того, как их семью раскулачили. За что? За труд. Его отец Иван работал с сыновьями на мельнице, которую построил еще его дед. И всех сынов Ивановых сослали кого куда. Но вот прошло 20 лет, и мы возвращались на Смоленщину. Правду говорят: чтобы попасть в рай, надо пройти ад. Дед его прошел и теперь остро цеплялся за родную землю.

Сначала мы остановились в Москве, где оказалось много родственников. И кто-то из них возмутился:

- Почему ребенок до сих пор некрещеный? Девочке не положено!

Дед пожал плечами, а бабушка согласилась. И уже на следующий день мы пошли в храм Василия Блаженного, где меня окрестили. Помню узкую высокую комнату с белеными стенами и старого священника, окунувшего меня в холодную воду...

В самом центре Москвы на Красной площади у южной стены Кремля с XVI века возвышается чудо – самый многоглавый из русских храмов Покровский собор. Десять церквей установлены на одном основании и соединены в одно целое. Золотой купол – центральный, у остальных разные купола увенчаны фигурным многоцветьем. Построены они по приказу Ивана Грозного в память о победе над Казанским ханством в середине XVI века. Центральную церковь